

Валерий Викторович ПЕТУХОВ
(15 сентября 1950 года – 6 сентября 2003 года)

СЛОВО ПАМЯТИ

Утром 9 сентября 2003 года в университетском храме св. великомученицы Татьяны состоялось отпевание Валерия Петухова.

Вместо официального некролога редакция публикует живое слово о Валерии Викторовиче Петухове его друзей, коллег и студентов.

Ю.Б.Гиппенрейтер:

Образ Валеры живет в памяти и душе тех, кто его близко знал.

Мне посчастливилось узнать Валеру совсем молодым человеком. Это был его студенческий доклад о Дон-Кихоте и Гамлете. Поразило звучание его голоса – глубокого и мужественного; очаровала эстетика и возвышенность его мыслей. Скорее всего, это была юношеская программа «пути героя». Этим путем он потом и шел, оставаясь верным себе, своим идеалам, своему призванию. В его жизни и работе это был путь бескомпромиссности, высокой морали, чистой устремленности. Он вдохновенно читал лекции, и многие поколения студентов переживали их как счастливые моменты своей жизни. Он брал на себя все более сложные задачи, работая над новыми программами, учебными текстами, методами преподавания, создавая и совершенствуя свой авторский курс общей психологии. Это было постоянное движение от мечты к ее воплощению и снова к новым замыслам... Но не было оглядки на собственные перегрузки. Струна натягивалась все сильнее – до трагического предела.

Хочется низко поклониться тебе, Валера. Спасибо, что ты был с нами. Ты и остаешься с нами.

А.Г.Шмелев:

С Валерием Петуховым мне посчастливилось работать на одной кафедре общей психологии в 70-80-е годы. А познакомился я с ним как со студентом-старшекурсником еще дома у нашего общего научного руководителя Е.Ю.Артемьевой. Елена Юрьевна с ребячливой гордостью говорила, что Петухов является ее учеником... лишь формально, ибо способному человеку нужно просто не мешать идти в науке своим путем (а она в совершенстве владела этим искусством «не мешать»!) Уже в студенческие годы Валерий серьезно продвинулся в области психологии мышления, хотя почти все другие ученики Артемьевой (включая меня) занимались психосемантикой. Его дипломная работа была признана лучшей на конкурсе 1973 года, хотя выпуск того года был одним из сильнейших за всю историю факультета психологии МГУ. Но именно Валера не сделал быстрой карьеры на факультете, не «слепил» быстро докторскую, не рвался к административным регалиям (а ведь немало лет работал как заместитель тогдашнего декана А.А.Бодалева, а это в 80-е годы давало немалые возможности). И дело вовсе не только в том, что В.В.Петухов был страстно, просто одержимо увлечен педагогической работой, от которой сам получал большое удовольствие, дело в том, что его внутренняя требовательность к своему научному продукту была для него всегда выше какой-либо мотивации внешнего характера (звание, заработок и пр.). Можно было бы сказать много теплых слов признательности и благодарности вслед этому так рано ушедшему от нас достойному человеку, имея в виду чисто личные отношения (ведь есть особая ценность в таких отношениях моральной поддержки и взаимного уважения с тем, кто при этом деликатно не претендует на тесную дружбу «взамен»), но сейчас мне показалось важнее сказать о нем несколько слов как о профессионале, ибо своей работой он жил, светил и согревал окружающих его студентов и приятелей-коллег.

Ю.Б.Дормашев:

Валера был талантливым преподавателем. Это было очевидно всем, кто хотя бы раз побывал на любой из его лекций. У некоторых коллег его талант вызывал чувство зависти. У других же возникало сложное чувство удивления, благодарности и восхищения. Материал лекции хорошо знаком и в то же время знаешь, что в психологии известно об этом до обидного мало. Но вместе с Валерой, слушая его, как будто летишь над бездной незнания на острие луча понимания, который он зажигал, и легко входишь в пространство мировой психологической мысли. Он не вываливал перед аудиторией, как это бывает с другими, «свое хозяйство», демонстрируя на пустой или заранее вытоптанной площадке свои соображения или неверно понятые мысли других авторов. Он и те, кто внимательно его слушали,

становились рядом с У.Джеймсом, К.Дункером, Д.Гибсоном, А.Н.Леонтьевым и другими классиками. Казалось, что ушедшие психологи с интересом и надеждой смотрят на тебя и спрашивают: «А что делаешь ты, куда двигаешься, в чем заключается твой вклад в психологию?» На своих лекциях Валера создавал атмосферу глубокого и ответственного отношения к проблемам, стоящим перед психологией.

О Валере можно сказать словами его любимого философа М.Мамардашвили: «Он был на пути честной и хорошей работы, а честно работать очень трудно». Вот образ его пути, из фильма столь же любимого им режиссера А.Тарковского: Валера собранно, медленно и с трудом, не глядя по сторонам и под ноги, идет по захламленному дну пустого бассейна, в одной руке он несет горящую свечу и ладонью другой заслоняет пламя от порывов ветра. Когда-то, в стихотворении Б.Пастернака «свеча горела на столе» – камерно, а вьюга была за окном. Лекции по общей психологии – дело публичное, а за окнами аудиторий и в коридорах нашего факультета, на котором Валера работал всю жизнь, сейчас дуют другие ветры. В одном из этих коридоров, разделяемом психологами и геологами, есть комната, на дверях которой прикреплена табличка «Лаборатория геокатастроф». М.Мамардашвили утверждал, что в нашей стране произошла антропологическая катастрофа. Возможно, что в той или иной степени ее жертвами стали все. Мы не успели обсудить, что это значит психологически. Платформа для такого обсуждения была: Валера описал феномен и ввел в психологию понятие мнимой личности. Почему бы ни открыть психологическую «Лабораторию антропологических катастроф», в которой основным методом исследования будет самонаблюдение и анализ собственного поведения? Эмпирического материала у нее, наверное, было бы предостаточно. Я первым пришел бы в такую лабораторию в качестве испытуемого.

С.А.Капустин:

Когда я вспоминаю Валерия Викторовича, то эти воспоминания всегда оказываются неотделимыми от ситуации беседы с ним. Темы наших бесед были самыми разными, но, конечно же, в основном мы обсуждали вопросы, связанные с преподаванием общей психологии. Это вполне понятно, поскольку курс общей психологии, который он строил более десяти лет, был одним из главных дел его жизни. Валерий Викторович очень любил делиться своими мыслями, планами и проблемами, которые касались его курса, любил их коллективное обсуждение, где была возможность открытого столкновения позиций по тому или иному вопросу, и, тем самым, проверки на прочность своей собственной позиции. Он был мастером беседы и умел организовать ее так, чтобы она сочетала в себе одновременно

и дружеское общение, и достаточно открытое и нелицеприятное обсуждение того или иного вопроса. Наверно, неслучайно его любимыми философами были Сократ и М.К.Мамардашвили, которые очень ценили жанр беседы как способ выявления истины. Наши встречи были не так часты, поскольку каждый был загружен своими делами, но когда мы встречались, то у нас никогда не хватало времени, чтобы обсудить все вопросы. Поэтому эти обсуждения нередко продолжались уже по дороге домой. Мы часто уходили с факультета втроем: Валерий Викторович, Юрий Борисович Дормашев и я. Я не помню случая, когда бы мы не остановились у входа в метро, с тем чтобы продолжить еще на какое-то время начатый разговор. Потом мы обычно ехали вместе до моей станции, мне уже надо выходить, а беседа так и не кончается и всегда обрывается на полуслове...

Ю.В.Кортнева:

Валерий Викторович – человек Московского Университета. Но мне всегда казалось, что он такой, каким принято считать петербуржца. Интеллигентный и щепетильный. Мягкий – и, в то же время, живущий по твердым принципам.

Я помню, как прошлым летом он читал Мамардашвили. Читал и восхищался, зачитывал вслух отрывки. И говорил о новых планах.

Есть одна песня, а в ней строчки: «В небе звезды зажглись, я шагаю с работы усталый. Я люблю тебя, жизнь, и хочу, чтобы лучше ты стала».

Он был удивительным тружеником. Лауреатом, талантливый лектором. Но больше всего – тружеником. Косил траву по росе, собирал студентов в праздники, чтобы еще договорить, досказать. И все время не досказывал. Может, именно потому он и был тем, кого называют Учителем уже много поколений студентов. Потому, что каждому, кто приходил на его лекции, нужно было очень много делать самому, своей душой, чтобы идти рядом с ним, когда он рассказывал о своей науке. Чтобы эта наука однажды приняла и тебя.

Он снова не досказал. Но как много успел.

Е.Т.Соколова:

Удивительное ощущение душевной близости возникало мгновенно при каждой встрече с Валерой. Казалось, общение было для него волнующим делом, интимным и жизненно важным. Сталкивались ли мы на несколько минут перед его или моей лекцией, обменивались ли на бегу впечатлением о каком-то художественном произведении, заходил ли он на кафедру, чтобы подарить мне только что вышедший его стараниями очередной том хрестоматии по общей психологии с потрясающим посвящением, – каждый раз я испытывала непосредственную радость. Так бывает, когда жизнь дарит встречу с по-настоящему значительным человеком, и мы, не отдавая

себе еще в этом отчета, бессознательно стремимся запечатлеть, сохранить в памяти его образ, каким-то внутренним чутьем, интуицией угадывая редкость и краткость этой встречи. Подчеркнутая безукоризненность его внешнего облика в моем восприятии каким-то образом соседствовала с бесшабашностью и нерасчетливостью; он «сгорал» – это было видно невооруженным глазом, вызывало щемящее чувство восторга, вины и собственного бессилия. Не мне судить, мог ли быть иным его способ бытия. Валера всегда оставался очень верным, преданным человеком – друзьям, коллегам, своей семье, психологии. Какие бы бурные события ни сотрясали жизнь (и его собственную в том числе), никогда он не опускался до мелочных жалоб, лишь очень редко, как бы вскользь мог упомянуть о ком-то, огорчившем его, и, казалось, ему было бесконечно стыдно за проявленную «слабость». Он был создан для того, чтобы вызывать восхищение и безмерное уважение. Никто из преподавателей факультета психологии Московского университета не пользовался такой популярностью, не вызывал такую единоклубную и безусловную любовь у студентов. Как преподаватель он был необыкновенно обаятелен и артистичен, его глубокий баритон гипнотизировал, изящество облика пленяло. Удивительно естественно в нем сочетались строгое служение психологии как науке с даром поэтического и эстетического восприятия ее предмета, колоссальная эрудиция и органическое умение сплавлять все это воедино. В моей памяти остается образ очень красивого, благородного, тонкого, деликатного, скромного, по-старинному интеллигентного и по-детски ранимого человека.

В.В. Умрихин:

Вспоминаю, как, возвращаясь из командировки в Москву, увидел у сидевшего рядом пассажира газету с заголовком «От Сократа до Мераба». Статья была опубликована ко дню рождения необыкновенно почитаемого Валерой Мераба Константиновича Мамардашвили. Оба они родились в разные годы, но в один и тот же день – 15 сентября. Однако не только одна эта дата роднила очень разные и в то же время блистательные и трагичные их жизненные пути.

Сократ, как известно, назвал свой метод философствования майевтикой – искусством родовспоможения. Правда, в отличие от своей матери-акушерки, он стремился оказать помощь в рождении живой человеческой мысли. Сходную миссию в философии и науке взяли на себя немногие. В их число вошли и М.Мамардашвили, и В.Петухов. При подобном выборе творческая лаборатория мыслителя неизбежно переносится в пространство общения с аудиторией. Прежде всего, именно здесь, а не на страницах книжного текста, рождается знание, которое проносится дальше теми, кому посчастливилось соприкоснуться с Мастером, ибо знание это глубоко

личностное. Настанет время, и, будем надеяться, опубликуют замечательные лекции Валеры по общей психологии, по которым сможет учиться еще не одно поколение будущих представителей этой науки. Увы, при этом они окажутся лишены возможности живого общения с их автором, участия в том коллективном творческом процессе, которому Валера, не жалея здоровья, отдал так рано оборвавшуюся жизнь.

Ф.Е.Василюк:

Как многие психологи, я считаю Валерия Петухова одним из первых своих учителей. Далекий уже 1974 год. Молоденький, тонкий как скрипач аспирант ведет у нас семинары по психологии мышления. Он не столько преподает, сколько *преподносит*, щедро угощает, и видно, что ему самому хочется разделить с нами радость мысли. Так потчует на пиру хозяин заветными яствами, и любимый им Леви-Брюль звучит так же вкусно, как «крем-брюле». И самое главное для нас: преподаватель радуется нашим еще невнятным студенческим мыслям, понимая их глубже и яснее, чем мы сами. Незаметно совершалось педагогическое волшебство: мы казались себе не желторотыми второкурсниками, а мыслителями, ведущими неторопливый разговор с такими собеседниками как Юнг и Дюркгейм, Леонтьев и Дункер. Это вдохновляло.

В последние годы В.В.Петухов бесспорно был лучшим профессором курса общей психологии – это было не чье-то особое мнение, а какая-то общая для всех самоочевидность. Но почему, что было главной причиной? Созданный им целостный курс? Ломоносовская премия? Невиданное трудолюбие, так что даже в торжественный день смерти он успел провести 8(!) часов занятий? Лекторский артистизм? Таинство рождения живой мысли в аудитории? Все это так. Но главное, кажется, в одной человеческой особенности: он очень любил дарить. Уйти от Валеры без подарка удавалось редко. Стоило упомянуть в случайном разговоре, что один из моих пациентов хочет посмотреть «Blow up», как через день от него передали специально переписанную кассету. Так любят дарить влюбленные, им хочется делиться переполняющим их чувством.

Валера и жил в профессии нерасчетливо и безудержно, как влюбленный. Говорят: сгорел на работе. Не совсем точно: глядя на фотографию, где Валерия Викторовича обступили улыбающиеся студенты, понимаешь, что работа была для него не самоцелью, а лишь предлогом и поводом для любви и мысли.

А.А.Тюков:

Наверное, наше знакомство с Валерой началось с момента его поступления на факультет психологии. Однако в моей памяти остается яркое впечатление о трех звездах, блиставших на подмостках ДК гуманитарных фа-

культетов МГУ. Это были сокурсники Петухов, Собкин, Хвостов. Валера обращал на себя внимание своей артистичной органичностью. Его голос, в обычном общении простой, на сцене расцветал богатыми красками, привлекающими все внимание слушателя. Позже этот талант проявился в лекторской работе профессора Петухова.

Другим представлением памяти в моем сознании оказывается образ студенческой пары: Валера Петухов и Ира Коновалова. Отличные студенты стали отличными учеными, блестящими преподавателями и дружной семьей. Память хранит огромное количество встреч с Валерой во время совместной работы на факультете и дружбы многие годы. Во всех драматических коллизиях жизни Валера оставался верным дружеским привязанностям. Достаточно вспомнить нашу работу в студенческом отряде на Сахалине. Я вспоминаю и работу, но, прежде всего, совместную жизнь.

И главное, что останется навечно в моей памяти. Валера Петухов был одним из немногих, а иногда, мне кажется, и единственным, кто отдавал всю жизнь до остатка делу высшего образования студентов. Валера все свои силы отдавал факультету, часто в ущерб собственным научным исследованиям. Его исследования по проблеме культуры и мышления могли бы сделать существенный вклад в развитие культурно-исторической теории развития сознания. Для этого мне достаточно вспомнить наши разговоры о создании «пространственного языка ножного мышления».

Женя Мартынов утверждает, что курс Валеры был самым талантливым среди выпусков Факультета психологии. Скорее всего, он прав. В моей памяти останется образ не только артистичного, но и высококультурного человека. Это богатство человеческой культуры и своей собственной Валера передавал студентам. Эта культура вошла в мою память и, я уверен, вошла в память его студентов на всю оставшуюся жизнь.

Т.Злобина:

Когда вспоминаешь Валерия Викторовича, то сразу хочется сказать очень многое, но понимаешь, что слов может не хватить, что с их помощью невозможно описать все то, что нес людям этот человек. На его лекциях я всегда сидела на первой парте. Он вставал около кафедры и начинал говорить. Его голос вводил в состояние некоего транса, вел за собой в совершенно другой мир, внутренний мир человека, который стоял перед нами. В его лекциях было не просто изложение теоретического материала, он пытался изменить наше мировоззрение, мироощущение. Он хотел, чтобы мы не просто заучили некоторые положения фундаментальной психологии, а пережили их, прочувствовали, приняли.

Это был не просто лектор, но еще и великолепный оратор. На его лекции надо было приходить заранее, чтобы успеть занять место. Зачастую все

парты были заняты, и люди сидели в проходах, на ступеньках. Связанные с этим неудобства сразу забывались, как только начиналась лекция. Его лекции пересказывались студентами друг другу, его комментарии стали афоризмами, которые то и дело звучат в коридорах нашего факультета.

Валерий Викторович был не просто преподавателем. К нему всегда можно было обратиться с личной проблемой, совершенно не касающейся учебного материала, и он всегда был готов выслушать, помочь, поделиться своим жизненным опытом. Каждый раз, разговаривая с ним, испытываешь чувство гордости от того, что имеешь возможность просто стоять рядом с таким замечательным человеком и талантливым психологом, как Валерий Викторович. Мне очень жалко, что студенты младших курсов будут лишены такой возможности и никогда не смогут побывать на лекции Валерия Викторовича.

К.Исаева:

Валерий Викторович был особым человеком для студентов. Его огромное влияние на нас заложило целый пласт представлений о мире, себе, науке, которую мы избрали. Было что-то очень доверительное, почти интимное в том, как много нам давало это время, которое мы были вместе.

Пятница, 9.20 утра. Это время было не просто началом лекций по «Общей...», это было время наполнения утреннего сознания жизнью. Ведь Валерий Викторович не умел (или не хотел?) излагать «просто» факты. Материал лекций вплетался в жизнь, сопровождался и иллюстрировался сюжетами его любимых фильмов, книг. Все это было живым продолжением его самого. В нем чувствовалась такая искренность, что ни у кого не возникало мысли, что все это – зря, непонятно для чего рассказывается, и оторвано от реальности... Здесь разворачивалась самая что ни на есть действительная, настоящая жизнь. В этом было что-то совершенно самобытное, завораживающее.

Когда курс его лекций завершился, стало понятно второе значение того, что этот курс общей психологии целостный. Курс (лекций) был не только построен и прочитан одним лектором, но он объединил учебный курс (студентов) в сообщество с общими взглядами, устремлениями и ценностями. Я благодарна Валерию Викторовичу за это время, за чувства доверия и свободы, которые возникли вместе с ним и остались с нами навсегда.

Д.Сатин:

Это был светлый человек, очень не похожий на своих друзей и коллег. Его влияние, прямое (на лекциях и семинарах, в научной работе со студентами) и косвенное (в житейских беседах и ситуациях, то, как он вел себя, как относился к жизни и своей профессии, к музыке, кино, его отношение к другим людям), оставляло след в каждом, кто с ним сталкивался. Извес-

тие о его кончине застало врасплох. Выпускники факультета психологии МГУ, живущие в разных городах и странах, которым я звонил, сообщая им печальную новость, восприняли эту утрату как событие личное. Когда из жизни уходит Учитель, то вместе с горечью утраты осознаешь, как становишься старше. Потому что место, которое он занимал в твоей картине мира, теперь должно быть восполнено своим собственным и ответственным выбором, а ценности, которые были восприняты в общении с ним, навсегда становятся твоими собственными.

Валерий Викторович был преподавателем живого знания, позволяя студентам пережить развитие психологического знания как собственное профессиональное развитие. Развивая живые структуры интеллекта своих студентов, он сам стал явлением живой памяти целого поколения молодых психологов России.

В.Ф.Петренко:

Ушел из жизни Валера Петухов. Я знал его, странно осознавать, более тридцати лет. Мы были однокурсниками, хотя и входили в разные компании. После окончания факультета он остался на кафедре общей психологии аспирантом, я – ассистентом. Наши жизненные пути часто шли параллельно, но могу ли я сказать, что хорошо знал его? В наш суетный век и себя-то плохо знаешь.

Память высвечивает отдельные эпизоды, в которых Валера на первом плане: первый курс, Валера играет одну из главных ролей в написанном студентами психфака спектакле о стране «Психоландии». Играет талантливо, как в последующем спектакле «Иван Васильевич», поставленном третьекурсником Женей Арье – ныне ведущим режиссером Израиля. После спектакля мы, студенты разных курсов, под звуки саксофона Ислама Ильясова, взявшись за руки, танцуем «нечто» вокруг памятника Ломоносову у журфака.

В конце семидесятых нас с Валерой как молодых преподавателей в рамках повышения квалификации обязали посещать вечерний Университет марксизма-ленинизма. Факультет обучения можно было выбрать самим. Среди ряда нудных названий типа «народного контроля» или «партстроительства» Валера отыскал факультет атеизма и подбил меня пойти туда за компанию. Нам читали историю христианства, буддизма, ислама. В качестве курсовых мы писали темы типа «Православный экзистенциализм: Бердяев, Шестов, Трубецкой» и т.п. Было такое впечатление, что большинство слушателей – люди верующие. Поэтому этот вечерний факультет и прикрыли через пару лет. Склонный к религиозности Валера не был ханжой, и после рабочего дня на психфаке и вечерних занятий на факультете атеизма мы иногда расслаблялись в пустой аудитории за бутылкой вина.

Помню нашу поездку в Тбилиси на конференцию по мышлению и искусственному интеллекту. Мы гуляли по вечернему Тбилиси, и Валера рассказывал свою трактовку фильма «Ностальгия» своего любимого режиссера Тарковского. Эпизод со свечкой, которую герой фильма должен донести по дну пустого бассейна горячей. Уверовать через свершение абсурдного поступка, действия.

Помню и конец восьмидесятых, как, выстояв ранним утром длиннющие очереди, Валера приносил на факультет «Московские Новости», бывшие наряду с «Огоньком» оплотом оппозиционных, либеральных сил. Валера имел демократические убеждения и радовался наступающей оттепели.

Последние годы мы общались гораздо меньше. Может, уже годы сказываются. Валера был не только ведущим преподавателем на факультете, но и, сея «разумное, доброе, вечное», много мотался по стране, зарабатывая «хлеб насущный». Мне кажется, трудоголик Валера Петухов, как говорили раньше бурлаки, «надорвал жилу». Наверное, и зря он взялся за руководство психологическим практикумом, соблазненный административной «морковкой». Будучи человеком обязательным, он все слишком близко принимал к сердцу. По-моему, административная работа – это был не его путь. Талантливый преподаватель, он был и глубоким теоретиком. После него остались глубокие методологические разработки. Но многие его замыслы так и остались нереализованными.

Ушел он из жизни неожиданно. Безумно жалко Валеру. Но жалко и то, что, идя по жизни рядом с яркими людьми, мы в бытовой суете так мало общаемся по существу, и так мало знаем друг друга. Жил талантливый человек, глубокий собеседник. И нет его. И никогда...

Помянем его добрым словом и осознаем трагизм бытия.